

... В губернском городе N никогда не было войн и революций.

А если что-то такое и происходило - то было очень и очень давно, почти в сказочные времена. А с тех пор ничего и не было. Незаметно менялись вокруг эпохи, страны, века - а город N жил своей, так сказать, энской жизнью. Иногда, на время, город переставал быть губернским, но, похоже, продолжал существовать как ни в чем ни бывало, вовсе не замечая этого небольшого недоразумения. А потом опять, неожиданно-негаданно для себя, обретая свой губернский статус, вновь становился центром пусть небольшой, но очень гордой провинции, и принимал это с достоинством и спокойствием, свойственным очень пожилым и степенным людям, которые уже не могут совершать резких движений и из-за этого кажутся невозмутимыми.

Жителей города N становилось все больше, город рос и развивался, но все равно оставался все тем же милым древним княжеским поселением, обрамленным несоразмерными пухнувшими как от неведомой болезни скотными дворами, конюшнями, кузницами, казармами, посадками, барскими увеселительными беседками, крестьянскими отчаянными праздниками и прочими атрибутами привычной полудеревенской жизни.

Столичное прошлое тянуло город N назад, а будущее тянуло город N в столицу. Которая теперь, по чьему-то злому умыслу, находилась за 200 км от N. Раздираемый этими стратегическими направлениями развития город N редко когда успевал вписаться в настоящее. Разве что один раз, когда было решено сделать из N индустриальный город и это действительно получилось, однако ненадолго, лет на 50. Потом, как сообщили жителям, наступила постиндустриальная эпоха, и индустрия быстро сдулась. На поверку, правда, оказалось, что это был обман, и даже вроде нашли виновных, но индустрия не восстановилась. Жители города N перенесли все довольно спокойно, усилив, однако движение к светлому столичному будущему вне города N - в противовес столичному же прошлому внутри N.

Вот так, неожиданные и ожидаемые революционные события и войны веками не нарушали зеркальной глади тихой губернской жизни. Легким всплеском, раз в тысячу лет, мог, конечно, отозваться на поверхности, скажем, приезд венценосной особы (проездом, только проездом, даже на ночь не остался), широкомасштабное празднование грандиозного юбилея города, или назначение неожиданного персонажа в губернаторское кресло; однако, по заведенной веками же традиции, интерес местного населения ко всему новому был хотя и интенсивен, но неглубок, узок, низок и

Чужие игрушки

Автор: Роман Евстифеев

14.03.2014 13:42 - Обновлено 14.03.2014 14:01

скоротечен, и, в конце концов, крайне легко уподоблялся интересу, который выказывал крестьянин к чему-то такому происходящему на соседском сеновале. Да, занятно, любопытно, мол, в нашей деревне - и это развлечение какое-никакое, хотя и так понятно, что там происходит, и даже кто с кем - тоже понятно и известно, можно даже сбегать посмотреть, последить, но все равно как бы через зевок, сквозь лень и скуку несусветную...

Так откуда тут взяться войнам и революциям? Все это происходило где-то там, далеко, с другими людьми, в другом мире. А город N все плыл и плыл в свою вечность, как поднятый невесть каким течением со дна реки обломок мореного дуба, задумчивый и одинокий среди мельтешащего мусора и плескучей мелкой рыбешки.

Казалось, войны и революции специально обходили город стороной, боясь захлебнуться и утонуть в качественном жидком теплом провинциальном существовании. А если кто из них и забредал сюда, по не знанию, либо случайно, то довольно быстро обволакивался ватной мягкой экзистенцией, превращаясь из грозного локомотива истории в средних размеров плюшевую игрушку, с которой, по причине ее потертости, дырявости и странности, уже не только никто не играет, но и никто не помнит, что это за игрушки, чьи они, кто ими играл, и зачем вообще они нужны в губернском городе N...